

Трое в одной лодке, не считая собаки

Автор:

[Джером Джером](#)

Трое в лодке, не считая собаки

Джером Клапка Джером

Перед вами книга из серии «Классика в школе», в которой собраны все произведения, изучаемые в начальной школе, средних и старших классах. Не тратьте время на поиски литературных произведений, ведь в этих книгах есть все, что необходимо прочесть по школьной программе: и для чтения в классе, и для внеклассных заданий. Избавьте своего ребенка от длительных поисков и невыполненных уроков.

Повесть Джерома К. Джерома «Трое в одной лодке, не считая собаки» изучают на уроках литературы в 6-м классе.

Джером К. Джером

Трое в одной лодке, не считая собаки

© М. Салье, перевод. Наследники, 2014

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца

авторских прав.

* * *

Предисловие автора

Прелесть этой книги не столько в литературном стиле или полноте и пользе заключающихся в ней сведений, сколько в безыскусственной правдивости. На страницах ее запечатлелись события, которые действительно произошли. Я только слегка их приукрасил, за ту же цену. Джордж, Гаррис и Монморенси не поэтический идеал, но существа вполне материальные, особенно Джордж, который весит около двенадцати стоунов[1 - Стоун – около 6,35 килограмма.]. Некоторые произведения, может быть, отличаются большей глубиной мысли и лучшим знанием человеческой природы; иные книги, быть может, не уступают моей в отношении оригинальности и объема, но своей безнадежной, неизлечимой достоверностью она превосходит все до сих пор обнаруженные сочинения. Именно это достоинство скорее, чем другие, сделает мою книжку ценной для серьезного читателя и придаст больший вес назиданиям, которые можно из нее почерпнуть.

Глава первая

Нас было четверо – Джордж, Уильям Сэмюэль Гаррис, я и Монморенси. Мы сидели в моей комнате, курили и рассуждали о том, как мы плохи, – плохи с точки зрения медицины, конечно.

Мы все чувствовали себя не в своей тарелке и очень из-за этого нервничали. Гаррис сказал, что на него по временам нападают такие приступы

головокружения, что он едва понимает, что делает. Джордж сказал, что у него тоже бывают приступы головокружения и он тогда тоже не знает, что делает. Что касается меня, то у меня не в порядке печень. Я знал, что у меня не в порядке печень, потому что недавно прочитал проспект, рекламирующий патентованные пилюли от болезней печени, где описывались различные симптомы, по которым человек может узнать, что печень у него не в порядке. У меня были все эти симптомы.

Это поразительно, но всякий раз, когда я читаю объявление о каком-нибудь патентованном лекарстве, мне приходится сделать вывод, что я страдаю именно той болезнью, о которой в нем говорится, и притом в наиболее злокачественной форме. Диагноз в каждом случае точно совпадает со всеми моими ощущениями.

Помню, я однажды отправился в Британский музей почитать о способах лечения какой-то пустяковой болезни, которой я захворал, – кажется, это была сенная лихорадка. Я выписал нужную книгу и прочитал все, что мне требовалось; потом, задумавшись, я машинально перевернул несколько страниц и начал изучать всевозможные недуги. Я забыл, как называлась первая болезнь, на которую я наткнулся, – какой-то ужасный бич, насколько помню, – но не успел я и наполовину просмотреть список предварительных симптомов, как у меня возникло убеждение, что я схватил эту болезнь.

Я просидел некоторое время, застыв от ужаса, потом с равнодушием отчаяния снова стал перелистывать страницы. Я дошел до брюшного тифа, прочитал симптомы и обнаружил, что я болен брюшным тифом – болен уже несколько месяцев, сам того не ведая. Мне захотелось узнать, чем я еще болен. Я прочитал о пляске святого Витта и узнал, как и следовало ожидать, что болен этой болезнью. Заинтересовавшись своим состоянием, я решил исследовать его основательно и стал читать в алфавитном порядке. Я прочитал про атаксию и узнал, что недавно заболел ею и что острый период наступит недели через две. Брайтовой болезнью я страдал, к счастью, в легкой форме и, следовательно, мог еще прожить многие годы. У меня был дифтерит с серьезными осложнениями, а холерой я, по-видимому, болен с раннего детства.

Я добросовестно проработал все двадцать шесть букв алфавита и убедился, что единственная болезнь, которой у меня нет, – это воспаление коленной чашечки.

Сначала я немного огорчился – это показалось мне незаслуженной обидой. Почему у меня нет воспаления коленной чашечки? Чем объяснить такую

несправедливость? Но вскоре менее хищные чувства взяли верх. Я подумал о том, что у меня есть все другие болезни, известные в медицине, стал менее жадным и решил обойтись без воспаления коленной чашечки. Подагра в самой зловредной форме поразила меня без моего ведома, а общим предрасположением к инфекции я, по-видимому, страдал с отроческих лет. Это была последняя болезнь в лечебнице, и я решил, что все остальное у меня в порядке.

Я сидел и размышлял. Я думал о том, какой интерес я представляю с медицинской точки зрения, каким приобретением я был бы для аудитории. Студентам не было бы нужды «обходить клиники». Я один представлял собой целую клинику. Им достаточно было бы обойти вокруг меня и затем получить свои дипломы.

Потом я решил узнать, долго ли я проживу. Я попробовал себя обследовать. Я пощупал свой пульс. Сначала я совсем не мог найти пульса. Потом внезапно он начал биться. Я вынул часы и стал считать. Я насчитал сто сорок семь ударов в минуту. Я попытался найти свое сердце. Я не мог найти у себя сердца. Оно перестало биться. Теперь-то я полагаю, что оно все время оставалось на своем месте и билось, но объяснить, в чем дело, я не могу. Я похлопал себя спереди, начиная с того, что я называю талией, до головы и немного захватил бока и часть спины, но ничего не услышал и не почувствовал. Я попробовал показать себе язык. Я высунул его как можно дальше и зажмурил один глаз, чтобы глядеть на него другим. Я увидел лишь самый кончик языка, и единственное, что это мне дало, была еще большая уверенность, что у меня скарлатина.

Счастливым, здоровым человеком вошел я в эту читальню, а вышел из нее разбитым инвалидом.

Я отправился к своему врачу. Это мой старый товарищ, и когда мне кажется, что я болен, он щупает мне пульс, смотрит мой язык и разговаривает со мной о погоде – все, конечно, даром. Я решил, что сделаю доброе дело, если пойду к нему сейчас. «Все, что нужно врачу, – подумал я, – это иметь практику. Он будет иметь меня. Он получит от меня больше практики, чем от тысячи семисот обычных больных с одной или двумя болезнями».

Итак, я прямо направился к нему. Он спросил:

– Ну, чем же ты болен?

Я ответил:

– Я не стану отнимать у тебя время, милый мой, рассказывая о том, чем я болен. Жизнь коротка, и ты можешь умереть раньше, чем я кончу. Но я скажу тебе, чем я не болен. У меня нет воспаления коленной чашечки. Почему у меня нет воспаления коленной чашечки, я сказать не могу, но факт остается фактом – этой болезни у меня нет. Зато все остальные болезни у меня есть.

И я рассказал ему, как мне удалось это обнаружить. Тогда он расстегнул меня и осмотрел сверху донизу, потом взял меня за руку и ударил в грудь, когда я меньше всего этого ожидал, – довольно-таки подлая выходка, по моему мнению, – и вдобавок боднул меня головой. Затем он сел, написал рецепт, сложил его и отдал мне. Я положил рецепт в карман и ушел.

Я не развертывал рецепта. Я отнес его в ближайшую аптеку и подал. Аптекарь прочитал рецепт и отдал мне его обратно. Он сказал, что не держит таких вещей.

Я сказал:

– Вы аптекарь?

Он сказал:

– Я аптекарь. Если бы я совмещал в себе универсальный магазин и семейный пансион, то мог бы услужить вам. Но, будучи всего лишь аптекарем, я в затруднении.

Я прочитал рецепт. Он гласил:

«1-фунтовый бифштекс и 1 пинта горького пива каждые 6 часов.

1 десятиминутная прогулка ежедневно по утрам.

1 кровать ровно в 11 ч. вечера.

И не забивать себе голову вещами, которых не понимаешь».

Я последовал этим указаниям с тем счастливым результатом – если говорить за себя, – что моя жизнь была спасена и я до сих пор жив.

Теперь же, возвращаясь к проспекту о пилюлях, у меня, несомненно, были все симптомы болезни печени, главный из которых – «общее нерасположение ко всякого рода труду».

Сколько я перестрадал в этом смысле – не расскажешь словами! С самого раннего детства я был мучеником. В отроческом возрасте эта болезнь не покидала меня ни на один день. Никто не знал тогда, что все дело в печени. Медицинской науке многое в то время было еще неизвестно, и мой недуг приписывали лени.

– Эй ты, чертенок, – говорили мне, – встань и займись чем-нибудь, что ли!

Никто, конечно, не знал, что я нездоров.

Мне не давали пилюль, мне давали подзатыльники. И, как это ни покажется странным, эти подзатыльники часто излечивали меня на время. Я знаю, что один подзатыльник лучше действовал на мою печень и сильнее побуждал меня сразу же, не теряя времени, встать и сделать то, что нужно, чем целая коробка пилюль. Так часто бывает: простые старомодные средства сплошь и рядом оказываются более действенными, чем целый аптекарский арсенал.

Мы просидели с полчаса, описывая друг другу свои болезни. Я объяснил Джорджу и Уильяму Гаррису, как я себя чувствую, когда встаю по утрам, а Уильям Гаррис рассказал, как он себя чувствует, когда ложится спать. Джордж, стоя на каминном коврике, дал нам ясное, наглядное и убедительное представление о том, как он чувствует себя ночью.

Джордж воображает, что он болен. На самом деле у него всегда все в порядке.

В это время постучалась миссис Попетс, чтоб узнать, не расположены ли мы поужинать. Мы обменялись грустными улыбками и сказали, что нам, пожалуй, следовало бы попробовать съесть что-нибудь. Гаррис сказал, что некоторое количество пищи в желудке часто предохраняет от болезни. Миссис Попетс внесла поднос, мы подсели к столу и скушали по кусочку бифштекса с луком и пирога с ревенем.

Я, вероятно, был очень слаб в то время, так как примерно через полчаса потерял всякий интерес к еде – вещь для меня необычная – и отказался от сыра.

Исполнив эту обязанность, мы снова наполнили стаканы, набили трубки и возобновили разговор о состоянии нашего здоровья. Никто из нас не знал, наверное, что с ним, но общее мнение сводилось к тому, что наша болезнь, как ее ни называй, объясняется переутомлением.

– Все, что нам нужно, – это отдых, – заявил Гаррис.

– Отдых и полная перемена обстановки, – сказал Джордж. – Перенапряжение мозга вызвало общее ослабление нервной системы. Перемена среды и отсутствие необходимости думать восстановят умственное равновесие.

У Джорджа есть двоюродный брат, который обычно значится в полицейских протоколах студентом-медиком. Поэтому Джордж всегда выражается как домашний врач.

Я согласился с Джорджем и предложил отыскать где-нибудь уединенное старосветское местечко, вдали от шумной толпы, и помечтать с неделку в его сонной тишине. Какой-нибудь забытый уголок, спрятанный феями от глаз суетного света, гнездо орлиное, что взнесено на времени утес, куда еле доносится шум бурных волн девятнадцатого века.

Гаррис сказал, что, по его мнению, там будет страшная скука. Он знает эти места, где все ложатся спать в восемь часов вечера; спортивной газеты там не достанешь ни за какие деньги, а чтобы раздобыть табачку, надо пройти десять миль.

– Нет, – заявил он, – если вы хотите отдыха и перемены, ничто не сравнится с прогулкой по морю.

Я энергично восстал против морской прогулки. Путешествие по морю приносит пользу, если длится месяца два, но одна неделя – это сплошное зло.

Вы выезжаете в понедельник с твердым намерением доставить себе удовольствие. Вы весело машете рукой друзьям, оставшимся на берегу, закуриваете самую длинную свою трубку и гордо разгуливаете по палубе с таким видом, словно вы капитан Кук, сэр Фрэнсис Дрейк и Христофор Колумб в одном лице. Во вторник вы начинаете жалеть, что поехали. В среду, четверг и пятницу вы жалеете, что родились на свет. В субботу вы уже в состоянии проглотить немного бульона, посидеть на палубе и с бледной, кроткой улыбкой отвечать на вопросы сердобольных людей о вашем самочувствии. В воскресенье вы снова начинаете ходить и принимать твердую пищу. А в понедельник утром, когда вы с чемоданом и с зонтиком в руке стоите у поручней, собираясь сойти на берег, поездка начинает вам по-настоящему нравиться.

Помню, мой зять однажды предпринял короткое путешествие по морю для поправления здоровья. Он взял билет от Лондона до Ливерпуля и обратно, а когда он приехал в Ливерпуль, его единственной заботой было продать свой билет.

Мне рассказывали, что он предлагал этот билет по всему городу с огромной скидкой и в конце концов продал его какому-то молодому человеку, больному желтухой, которому его врач только что посоветовал проехаться по морю и заняться гимнастикой.

– Море! – говорил мой зять, дружески всовывая билет в руку молодого человека. – Вы получите его столько, что вам хватит на всю жизнь. А что касается гимнастики, то сядьте на это судно, и у вас будет ее больше, чем если бы вы непрерывно кувыркались на суше.

Сам он вернулся обратно поездом. Он говорил, что Северо-Западная железная дорога достаточно полезна для его здоровья.

Другой мой знакомый отправился в недельное путешествие вдоль побережья. Перед отплытием к нему подошел буфетчик и спросил, будет ли он

расплачиваться за каждый обед отдельно или же уплатит вперед за все время. Буфетчик рекомендовал ему последнее, так как это обойдется значительно дешевле. Он сказал, что посчитает с него за неделю два фунта пять шиллингов. По утрам подается рыба и жареное мясо; завтрак бывает в час и состоит из четырех блюд; в шесть – закуска, суп, рыба, жаркое, птица, салат, сладкое, сыр и десерт; в десять часов – легкий мясной ужин.

Мой друг решил остановиться на двух фунтах пяти шиллингах (он большой любитель поесть).

Второй завтрак подали, когда пароход проходил мимо Ширнесса. Мой приятель не чувствовал особого голода и потому довольствовался куском вареной говядины и земляникой со сливками. Днем он много размышлял, и иногда ему казалось, что он несколько недель не ел ничего, кроме вареной говядины, а иногда – что он годами жил на одной землянике со сливками.

И говядина, и земляника со сливками тоже чувствовали себя неважно.

В шесть часов ему доложили, что обед подан. Это сообщение не вызвало у моего приятеля никакого энтузиазма, но он решил, что надо же отработать часть этих двух фунтов и пяти шиллингов, и, хватаясь за канаты и другие предметы, спустился вниз. Приятный аромат лука и горячего окорока, смешанный с благоуханием жареной рыбы и овощей, встретил его у подножия лестницы. Буфетчик, маслено улыбаясь, подошел к нему и спросил:

– Что прикажете принести, сэр?

– Унесите меня отсюда, – последовал еле слышный ответ.

И его быстро подняли наверх, уложили с подветренной стороны и оставили одного.

Последующие четыре дня мой знакомый вел жизнь скромную и безупречную, питаясь только сухариками и содовой водой. К субботе он, однако, возомнил о себе и отважился на слабый чай и поджаренный хлеб, а в понедельник уже наливался куриным бульоном. Он сошел на берег во вторник, и когда пароход отвалил от пристани, проводил его грустным взглядом.

– Вот он плывет, – сказал он. – Плывет и увозит на два фунта стерлингов пищи, которая принадлежит мне и которую я не съел.

Он говорил, что, если бы ему дали еще один день, он, пожалуй, мог бы поправить это дело.

Поэтому я восстал против морского путешествия. Не из-за себя, как я тут же объяснил. Меня никогда не укачивает. Но я боялся за Джорджа. Джордж сказал, что с ним все будет в порядке и морское путешествие ему даже нравится, но он советует мне и Гаррису не помышлять об этом, так как уверен, что мы оба заболеем. Гаррис сказал, что для него всегда было тайной, как это люди ухитряются страдать морской болезнью, – наверное, они делают это нарочно, просто прикидываются. Ему часто хотелось заболеть, но так ни разу и не удалось.

Потом он рассказал нам несколько случаев, когда он переплывал Ла-Манш в такую бурю, что пассажиров приходилось привязывать к койкам. Гаррис с капитаном были единственными на пароходе, кто не болел. Иногда здоровым оставался, кроме него, помощник капитана, но, в общем, всегда был здоров только Гаррис и еще кто-нибудь. А если не Гаррис и кто-нибудь другой, то один Гаррис.

Любопытная вещь – никто никогда не страдает морской болезнью на суше. В море вы видите множество больных людей – полные пароходы, но на суше мне еще не встречался ни один человек, который бы вообще знал, что такое морская болезнь. Куда скрываются, попадая на берег, тысячи не выносящих качки людей, которыми кишит каждое судно, – это для меня тайна.

Будь все люди похожи на того парня, которого я однажды видел на пароходе, шедшем в Ярмут, эту загадку было бы довольно легко объяснить. Помню, судно только что отошло от Саусэндского мола, и он стоял, высунувшись в иллюминатор, в очень опасной позе. Я подошел к нему, чтобы попытаться его спасти, и сказал, тряся его за плечо:

– Эй, осадите назад! Вы свалитесь за борт!

– Я только этого и хочу! – раздалось в ответ. Больше я ничего не мог от него добиться, и мне пришлось оставить его в покое.

Три недели спустя я встретил его в кафе одного отеля в Бате, он рассказывал о своих путешествиях и с воодушевлением говорил о том, как он любит море.

– Не укачивало? – воскликнул он, отвечая на полный зависти вопрос какого-то кроткого молодого человека. – Должен признаться, один раз меня немного мутило. Это было у мыса Горн. На следующее утро корабль потерпел крушение.

Я сказал:

– Не вы ли однажды немного заболели у Саусэндского мола и мечтали о том, чтобы вас выбросило за борт?

– Саусэндский мол? – повторил он с изумленным видом.

– Да, на пути в Ярмут, три недели назад, в пятницу.

– Ах, да-да, – просиял он, – теперь вспоминаю. В тот день у меня болела голова. Это от пикулей, знаете. Самые паскудные пикули, какие мне приходилось есть на таком в общем приличном пароходе. А вы их пробовали?

Что касается меня, то я нашел превосходное предохранительное средство против морской болезни. Вы становитесь в центре палубы и, как только судно начинает качать, тоже раскачиваетесь, чтобы сохранить равновесие. Когда поднимается нос парохода, вы наклоняетесь вперед и почти касаетесь собственным носом палубы, а когда поднимается корма, вы откидываетесь назад. Все это прекрасно на час или на два, но нельзя же качаться взад и вперед неделю!

Джордж сказал:

– Поедем вверх по реке.

Он пояснил, что у нас будет и свежий воздух, и моцион, и покой. Постоянная смена ландшафта займет наши мысли (включая и те, что найдутся в голове у Гарриса), а усиленная физическая работа вызовет аппетит и хороший сон.

Гаррис сказал, что, по его мнению, Джорджу не следует делать ничего такого, что укрепляло бы его склонность ко сну, так как это было бы опасно. Он сказал, что не совсем понимает, как это Джордж будет спать еще больше, чем теперь, ведь сутки всегда состоят из двадцати четырех часов независимо от времени года. Если бы Джордж действительно спал еще больше, он с равным успехом мог бы умереть и сэкономить таким образом деньги на квартиру и стол.

Гаррис добавил, однако, что река удовлетворила бы его «на все сто». Я не знаю, какие это «сто», но они, видимо, всех удовлетворяют, что служит им хорошей рекомендацией.

Меня река тоже удовлетворяла «на все сто», и мы с Гаррисом оба сказали, что Джорджу пришла хорошая мысль. Мы сказали это с таким выражением, что могло показаться, будто мы удивлены, как это Джордж оказался таким умным.

Единственный, кто не пришел в восторг от его предложения, – это Монморенси. Он никогда не любил реки, наш Монморенси.

– Это все прекрасно для вас, друзья, – говорил он. – Вам это нравится, а мне нет. Мне там нечего делать. Виды – это не по моей части, а курить я не курю. Если я увижу крысу, вы все равно не остановитесь, а если я засну, вы, чего доброго, начнете дурачиться на лодке и плюхнете меня за борт. Спросите меня, и я скажу, что вся эта затея – сплошная глупость.

Однако нас было трое против одного, и предложение было принято.

Глава вторая

Мы вытащили карты и наметили план.

Было решено, что мы тронемся в следующую субботу от Кингстона. Я отправлюсь туда с Гаррисом утром, и мы поднимем лодку вверх до Чертси, а Джордж, который может выбраться из Сити только после обеда (Джордж спит в

каком-то банке от десяти до четырех каждый день, кроме субботы, когда его будят и выставляют оттуда в два), встретится с нами там.

Где мы будем ночевать – под открытым небом или в гостиницах?

Я и Джордж стояли за то, чтобы ночевать на воздухе. Это будет, говорили мы, так привольно, так патриархально...

Золотое воспоминание об умершем солнце медленно блекнет в сердце холодных, печальных облаков. Умолкнув, как загрустившие дети, птицы перестали петь, и только жалобы болотной курочки и резкий крик коростеля нарушают благоговейную тишину над пеленою вод, где умирающий день испускает последнее дыхание.

Из потемневшего леса, подступившего к реке, неслышно ползут призрачные полчища ночи – серые тени. Разогнав последние отряды дня, они бесшумной, невидимой поступью проходят по колышущейся осоке и вздыхающему камышу. Ночь на мрачном своем престоле окутывает черными крыльями погружающийся во мрак мир и безмолвно царит в своем призрачном дворце, освещенном бледными звездами.

Мы укрыли нашу лодку в тихой бухточке, поставили палатку, сварили скромный ужин и поели. Вспыхивают огоньки в длинных трубках, звучит негромкая веселая болтовня. Когда разговор прерывается, слышно, как река, плескаясь вокруг лодки, рассказывает диковинные старые сказки, напевает детскую песенку, которую она поет уже тысячи лет и будет петь, пока ее голос не станет дряхлым и хриплым. Нам, которые научились любить ее изменчивый лик, которые так часто искали приюта на ее волнуемой груди, – нам кажется, что мы понимаем ее, хотя и не могли бы рассказать словами повесть, которую слушаем.

И вот мы сидим у реки, а месяц, который тоже ее любит, склоняется, чтобы приложиться к ней братским лобзанием, и окутывает ее нежными серебристыми объятиями; мы смотрим, как струятся ее воды и все поют, все шепчут, устремляясь к владыке своему – морю; наконец голоса наши замирают, трубки гаснут, и нас, обыкновенных, достаточно пошлых молодых людей, переполняют мысли печальные и милые, и нет у нас больше охоты говорить.

И наконец, рассмеявшись, мы поднимаемся, выколачиваем погасшие трубки и со словами «спокойной ночи» засыпаем под большими тихими звездами, убаюканные плеском воды и шелестом деревьев, и нам грезится, что мир снова молод, молод и прекрасен, как была прекрасна земля до того, как столетия смут и волнений избородили морщинами ее лицо, а грехи и безумства ее детей состарили ее любящее сердце, – прекрасна, как в былые дни, когда, словно молодая мать, она баюкала нас, своих сыновей, на широкой груди, пока коварная цивилизация не выманила нас из ее любящих объятий и ядовитые насмешки искусственности не заставили нас устыдиться простой жизни, которую мы вели с нею, и простого величавого обиталища, где столько тысячелетий назад родилось человечество.

Гаррис спросил:

– А как быть, если пойдет дождь?

Гарриса ничем не проймешь. В Гаррисе нет ничего поэтического, нет безудержного порыва к недостижимому. Гаррис никогда не плачет, «сам не зная почему». Если глаза Гарриса наполняются слезами, можно биться об заклад, что он наелся сырого луку или намазал на котлету слишком много горчицы. Если бы вы очутились с Гаррисом ночью на берегу моря и сказали ему: «Чу! Слышишь? Это, наверное, русалки поют в морской глубине или печальные духи читают псалмы над бледными утопленниками, запутавшимися в цепких водорослях», Гаррис взял бы вас за локоть и сказал бы: «Я знаю, что с тобой такое, старина. Ты простудился. Идем-ка лучше со мной. Я нашел здесь за углом одно местечко, где можно выпить такого шотландского виски, какого ты еще не пробовал. Оно мигом приведет тебя в чувство».

Гаррис всегда знает местечко за углом, где можно получить что-нибудь замечательное в смысле выпивки. Я думаю, что, если бы Гаррис встретился вам в раю (допустим на минуту такую возможность), он бы приветствовал вас словами:

– Очень рад, что вы здесь, старина! Я нашел за углом хорошее местечко, где можно достать первосортный нектар.

Но в данном случае, в отношении ночевки под открытым небом, его практический взгляд на вещи послужил нам весьма своевременным предупреждением. Ночевать на воздухе в дождливую погоду неприятно.

Вечер. Вы промокли насквозь, в лодке добрых два дюйма воды, и все вещи отсырели. Вы находите на берегу место, где как будто поменьше луж, выволакиваете палатку на сушу и вдвоем с кем-нибудь начинаете ее устанавливать.

Палатка вся пропиталась водой и стала очень тяжелой. Она хлопает краями и валится на вас или обвивается вокруг вашей головы и приводит вас в бешенство. А дождь льет не переставая. Палатку достаточно трудно укрепить и в сухую погоду, но когда идет дождь, эта задача по плечу одному Геркулесу. Вам кажется, что ваш товарищ, вместо того чтобы помогать, просто валяет дурака. Только вам удалось замечательно укрепить свою сторону, как он дергает за свой конец, и все идет насмарку.

- Эй, что ты там делаешь? - спрашиваете вы.

- А ты что делаешь? - отвечает он. - Пусти же!

Вы кричите:

- Не тяни, это ты все испортил, глупый осел!

- Нет, не я! - орет он в ответ. - Отпусти свой конец!

- Говорю тебе, ты все запутал! - кричите вы, жалея, что не можете до него добраться, и с такой силой дергаете за веревки, что с его стороны вылетают все колышки.

- Что за идиот! - слышится шепот. После этого следует отчаянный рывок - и ваша сторона падает.

Вы бросаете молоток и идете в обход палатки к вашему товарищу, чтобы высказать ему все, что вы об этом думаете. В это время он тоже пускается в путь в том же направлении, чтобы изложить вам свою точку зрения. И вы ходите кругом друг за другом и переругиваетесь, пока палатка не падает бесформенной кучей, а вы стоите над ее развалинами, глядя друг на друга, и в один голос негодуяще восклицаете:

– Ну вот! Что я тебе говорил!

Между тем третий ваш товарищ, который, вычерпывая из лодки воду, налил себе в рукав и уже десять минут без передышки сыплет проклятиями, спрашивает, какую вы там, черт побери, затеяли игру и отчего эта паскудная палатка до сих пор не стоит как следует.

Наконец она с грехом пополам установлена, и вы начинаете переносить вещи. Пытаться развести костер бесполезно. Вы зажигаете спиртовку и располагаетесь вокруг нее. Основной предмет питания на ужин – дождевая вода. Хлеб состоит из воды на две трети, пирог с мясом чрезвычайно богат водой, варенье, масло, соль, кофе – все соединилось с нею, чтобы превратиться в похлебку.

После ужина выясняется, что табак отсырел и курить нельзя. К счастью, у вас имеется бутылка с веществом, которое, будучи принято в должном количестве, опьяняет и веселит, и вы снова начинаете достаточно интересоваться жизнью, чтобы улечься спать.

И вот вам снится, что на вас сел слон и что извержение вулкана бросило вас на дно моря вместе со слонем, который спокойно спит у вас на груди. Вы просыпаетесь и приходите к убеждению, что действительно случилось что-то ужасное. Прежде всего вам кажется, что пришел конец света, но потом вы решаете, что это невозможно и что на палатку напали воры или убийцы или, может быть, случился пожар. Вы выражаете эту мысль обычным способом, но помощь не приходит, и вы чувствуете, что вас пинают ногами тысячи людей и что вас душат. Кто-то другой, кроме вас, тоже, кажется, попал в беду. Из-под кровати доносятся его слабые крики. Решив дорого продать свою жизнь, вы начинаете отчаянно бороться, раздавая во все стороны удары ногами и руками и непрерывно испуская дикие вопли. Наконец что-то подается, и ваша голова оказывается на свежем воздухе. В двух футах от себя вы смутно различаете какого-то полуодетого негодяя, готового вас убить, и намереваетесь завязать с ним борьбу не на жизнь, а на смерть, как вдруг вам становится очевидно, что это Джим.

– Ах, это ты, – говорит он, узнавая вас в ту же самую минуту.

– Да, – говорите вы, протирая глаза. – Что случилось?

– Проклятую палатку, кажется, сдуло, – отвечает Джим.

– Где Билл?

Вы оба кричите: «Билл!» – и почва под вами ходит ходуном, а заглушенный голос, который вы уже слышали, отвечает из-под развалин:

– Слезьте с моей головы, черти!

И Билл выбирается на поверхность – грязный, истоптанный, жалкий, измученный и чересчур воинственно настроенный. По-видимому, он твердо убежден, что вся эта шутка подстроена нарочно.

Утром вы все трое без голоса, так как ночью схватили сильную простуду. К тому же вы стали очень раздражительны и в продолжение всего завтрака переругиваетесь хриплым шепотом.

Итак, мы решили, что будем спать под открытым небом только в хорошую погоду, а в дождливые дни или просто для разнообразия станем ночевать в гостиницах, трактирах и постоялых дворах, как порядочные люди.

Монморенси отнесся к этому компромиссу весьма одобрительно. Романтика одиночества его не прельщает. Ему нужно что-нибудь шумное, а если развлечение чуточку грубовато, что ж, тем веселей. Посмотрите на Монморенси – и вам покажется, что это ангел, по каким-то причинам, скрытым от человечества, посланный на землю в образе маленького фокстерьера. Монморенси глядит на вас с таким выражением, словно хочет сказать: «О, как испорчен этот мир и как бы я желал сделать его лучше и благороднее»; вид его вызывает слезы на глазах набожных старых дам и джентльменов.

Когда Монморенси перешел на мое иждивение, я никак не думал, что мне удастся надолго сохранить его у себя. Я сидел, смотрел на него (а он, сидя на коврик у камина, смотрел на меня) и думал: эта собака долго не проживет. Ее вознесут в колеснице на небо – вот что с ней произойдет. Но когда я заплатил за дюжину растерзанных Монморенси цыплят; когда он, рыча и брыкаясь, был вытаскен мною за шиворот из сто четырнадцатой уличной драки; когда мне предъявили для осмотра дохлую кошку, принесенную разгневанной особой женского пола, которая обозвала меня убийцей; когда мой сосед подал на меня

в суд за то, что я держу на свободе свирепого пса, из-за которого он больше двух часов просидел как припильенный в холодную ночь в своем собственном сарае, не смея высунуть нос за дверь; когда, наконец, я узнал, что мой садовник выиграл тридцать шиллингов, угадывая, сколько крыс Монморенси убьет в определенный промежуток времени, – я подумал, что его, может быть, и оставят еще немного пожить на этом свете.

Слоняться возле конюшен, собрать кучу самых отпетых собак, какие только есть в городе, и шествовать во главе их к трущобам, готовясь к бою с другими отпетыми собаками, – вот что Монморенси называет «жизнью». Поэтому, как я уже сказал, упоминание о гостиницах, трактирах и постоянных дворах вызвало у него живейшее одобрение.

Когда вопрос о ночевках был, таким образом, решен ко всеобщему удовольствию, оставалось обсудить лишь одно: что именно нам следует взять с собой. Мы начали было рассуждать об этом, но Гаррис заявил, что с него хватит разговоров на один вечер, и предложил пойти промочить горло. Он сказал, что нашел неподалеку от площади одно место, где можно получить глоток стоящего ирландского виски.

Джордж заявил, что чувствует жажду (я не знаю случая, когда бы он ее не чувствовал), и так как у меня тоже было ощущение, что некоторое количество виски – теплого, с кусочком лимона – принесет мне пользу, дебаты были с общего согласия отложены до следующего вечера, члены собрания надели шляпы и вышли.

Глава третья

Итак, на следующий день вечером мы снова встретились, чтобы обо всем договориться и обсудить наши планы. Гаррис сказал:

– Во-первых, нужно решить, что нам брать с собой. Возьми-ка кусок бумаги, Джей, и записывай. А ты, Джордж, достань прейскуронт бакалейной лавки. Пусть кто-нибудь даст мне карандаш, и я составлю список.

В этом сказался весь Гаррис: он так охотно берет на себя всю тяжесть работы и перекладывает ее на плечи других.

Он напоминает мне моего бедного дядю Поджера. Вам в жизни не приходилось видеть в доме такой суматохи, как когда дядя Поджер брался сделать какое-нибудь полезное дело. Положим, от рамочника привезли картину и поставили в столовую в ожидании, пока ее повесят.

Тетя Поджер спрашивает, что с ней делать. Дядя Поджер говорит:

– Предоставьте это мне. Пусть никто из вас об этом не беспокоится. Я все сделаю сам.

Потом он снимает пиджак и принимается за работу. Он посылает горничную купить гвоздей на шесть пенсов и шлет ей вдогонку одного из мальчиков, чтобы сказать ей, какой взять размер. Начиная с этой минуты, он постепенно запрягает в работу весь дом.

– Принеси-ка мне молоток, Уилл! – кричит он. – А ты, Том, подай линейку. Мне понадобится стремянка, и табуретку, пожалуй, тоже захватите. Джин, сбегай-ка к мистеру Гоггсу и скажи ему: «Папа вам кланяется и надеется, что нога у вас лучше, и просит вас одолжить ваш ватерпас». А ты, Мария, никуда не уходи: мне будет нужен кто-нибудь, чтобы подержать свечку. Когда горничная воротится, ей придется выйти еще раз и купить бечевки. Том! Где Том? Пойди сюда, ты мне понадобишься, чтобы подать мне картину.

Он поднимает картину и роняет ее. Картина вылетает из рамы, дядя Поджер хочет спасти стекло, и стекло врезается ему в руку. Он бежит по комнате и ищет свой носовой платок. Он не может найти его, так как платок лежит в кармане пиджака, который он снял, а он не помнит, куда дел пиджак. Домочадцы перестают искать инструменты и начинают искать пиджак; дядя Поджер мечется по комнате и всем мешает.

– Неужели никто во всем доме не знает, где мой пиджак? Честное слово, я никогда еще не встречал таких людей! Вас шесть человек, и вы не можете найти пиджак, который я снял пять минут тому назад. Эх вы!

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Стоун – около 6,35 килограмма.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/dzherom-dzherom/troe-v-odnoy-lodke-ne-schitaya-sobaki-kupit>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)